

УДК 1:78.01:78.071.1

Кинаш Л. А.,
Жиров М. С.

**МУЗЫКАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ
Г. В. СВИРИДОВА
(ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО
КОММЕНТАРИЯ)**

Кинаш Лариса Александровна, аспирант кафедры философии
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: l.kinasch@yandex.ru

Жиров Михаил Семенович, доктор педагогических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: zhirov@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье выявляются и описываются ценностно-познавательные характеристики музыкального мышления Г.В. Свиридова. Особое внимание обращается на его «логосный» стиль – стремление быть «причастным к слову как началу начал», «сокровенной сущности мира».

Проясняя общую методологическую установку композитора на «выведение» музыки из живой речи, авторы статьи показывают, что конкретные формы этого выведения связывались им как с народной песней, с ее изначальным синкретизмом словесного и музыкального начал, так и с музыкальной повседневностью современной живой речи (ее ритмикой, темпом, мелодические интонациями). Уточняется, что первостепенное значение для Г.В. Свиридова имели поэтические тексты, обладающие наивысшей степенью перформативности, в т. ч. литургические тексты. Эта особого рода музыкальная словесность стала для Свиридова основой его метода «укрупнения» музыкального произведения, творческого уточнения неповторимости и незаменимости музыкального начала в целостном опыте человеческой речи.

Речь во всей своей полноте со временем понимается Свиридовым как ясные отклики человека на возвышенное Слово Божие. Отмечается также историческая метафизика Г.В. Свиридова, его понимание России в ее духовно-антропологическом статусе, жизненном единстве и святости. Эта метафизика национального образует поздний культурно-исторический контур свиридовского музыкального мышления.

Ключевые слова: русская философия музыки; музыкальное мышление; музыкальный язык; аксиология; «логосный стиль»; «мелос»; «логос»; метод «укрупнения».

Larisa A. Kinash,
Mikhail S. Zhiron

**RETURN TO THE LOGOS,
THE WORD OF GOD IN RUSSIA
(ON THE MUSICAL THINKING
OF GEORGY V. SVIRIDOV)**

Kinash Larisa Alexandrovna, *Postgraduate Student*

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: l.kinasch@yandex.ru

Zhiron Mikhail Semenovich, *Doctor of Education, Professor*

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: zhiron@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article identifies and describes some axiological dominants in the musical thinking of Georgy V. Sviridov. Particular attention is drawn to his *logos* style – the desire to be “involved in the way as the top began”, “innermost essence of the world”. Strengthening the tradition of Russian musical culture that focuses on unity *melos* and *logos*, Sviridov – it ought to be assumed – is committed to particular clarity in understanding and recreating this unity. Clarifying the overall methodological setting of the composer on “removing” the music out of living speech, the authors show that the specific forms of that removing are associated by composer with a folk reality (of its original syncretism or verbal archetypes and music) as well as an everyday living language (its rhythm, tempo, melodic intonations). The authors specify that the historical *logoi*, prophetic utterances or the texts with the highest degree of performativity (poetical, especially liturgical texts) are a practical measure of the method of Sviridov’ “consolidation” of musical works, artistic removing of music uniqueness and undisplaced in the holistic reality of *logoi*, the worlds of historic human being. All these words are understood by him as human responses, harmonious and simple answers to the exalted words, the Word of God; all these answers are the joyful and respectful attempts to be in a sublime or answerable fellowship with Him. There is also a historical metaphysics of George V. Sviridov; he thinks of historic Russia as a spiritual and holiness of life. This metaphysics of national forms is realized as some judgments of the composer in his own diary; it would be better to appreciate that metaphysic view as a cultural outline of Sviridov’s musical thinking..

Key words: philosophy of music in Russia; musical thinking; musical language; axiology; *logos* style; *melos*; *logos*; the method of “consolidation”.

Философское осмысление музыкального мышления Г.В. Свиридова (1915–1998) осложнено его особой историчностью. В нем интенсивно дают себя знать многочисленные жизненные перемены – опыт понимания мира, прошлого XX века, который в течение жизни композитора не раз радикальным образом уточнял свои ценностные предпочтения. При всей историчности, свиридовское музыкальное мышление повсюду проявляло себя исключительно лично: откликаясь на разные культурно-исторические вызовы, оно оказывалось весьма устойчиво в аксиологическом отношении.

Исключительность этого мышления может быть предварительно описана в терминах метафизики национального, через обращение к категориям национального бытия, мировосприятия народа и национальной истории, духовного творчества и т. д. Эта метафизика имеет своим истоком русское религиозное самосознание или, точнее, традицию отечественной философской мысли, которая сделала это самосознание своим предметом. Но Свиридов никогда не принадлежал и не мог принадлежать к той когорте русских интеллектуалов, которые укреплялись в своем философском мышлении; он принадлежал к числу советских композиторов; его музыкальное мышление, уверенно самобытное, зрело отнюдь не в школе метафизических исследований. Г.В. Свиридов в философском отношении автодидакт; в его размышлениях трудно выделить собственно метафизическую доктрину.

На наш взгляд, исследование музыкального мышления Г.В. Свиридова требует уточнения именно ценностно-смысловых его начал – того экзистенциального выбора, через который прошел этот крупнейший музыкальный мыслитель, узнавший и высказавший немного, существенное о многом. В музыке Г.В. Свиридова – терпкие гармонии, аскетичный, внятный язык. Эти гармонии дают себя знать и тогда, когда он трактует пушкинскую «Метель», или пипет сюиту «Время, вперед!»; и тогда, когда звонко вещает, проповедует о «недистиллированной» Руси, богатой святыми подвижниками, духовными свершениями. О чем бы ни

размышлял или повествовал Свиридов, он склонен держаться аскетических ценностных смыслов своего языка, который сам композитор осознает как язык принципиально неединственный, сосуществующий с другим, словесным началом в целостном опыте человеческой речи. «Я... причастен к слову (!!!), как началу начал, сокровенной сущности жизни и мира, – написал композитор в первой тетради своих дневников под заголовком «О критиках» <...> Наиболее действенным из искусств представляется мне синтез слова и музыки. Этим я занимаюсь» [14, с. 58].

Важнейшая, парадоксальная особенность исторической музыки Свиридова – ее «сверхисторичность»; ему привычно высказываться вглубь истории, приближаясь к тому «сверхисторическому» человеку, близость с которым обнаруживается в слове, особенно поэтическом, проникнутом музыкальным началом. Музыкальное мышление Свиридова «логосно», ориентировано на возобновление того музыкального подсознательного, которое, становясь яснее, чище, не портит слово – не посягает на него и не противостоит ему, а открывает ему новые направления.

Один из «духовных учеников» и последователей Г.В. Свиридова, композитор В.А. Гаврилин, называл его цезарем российской музыкальной поэзии, точно разгадавшим тайну поэтических текстов Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Блока, Есенина, Прокофьева, Маяковского, Твардовского и гениально претворившим их поэтический мир в музыкальных звуках [6, с. 38]. Во многих свиридовских произведениях поэт выступает действующим лицом: и как конкретно-исторический персонаж, но чаще как символ искусства, голос эпохи, образ своего времени. Для Свиридова поэт – не просто «мастер литературного цеха», он – вещий голос народа, олицетворяющий его мысль и совесть. Поэтому композитор обращается только к настоящим, подлинно большим поэтам, раскрывшим в своем творчестве разные исторические эпохи родной земли, дух русского народа – труженика и страстотерпца, правдоискателя и свободолюбца, борца за волю и справедливость, несущего миру высокое «слово любви и дружбы», зовущего к «новым берегам»

(М.П. Мусоргский) не только в творчестве, но и в жизни. В музыке Свиридова каждое поэтическое имя представлено группой произведений, что позволяет обозначить этапы его вокального творчества именами поэтов: пушкинский, прокофьевский, исаакьяновский, бернсовский, есенинский, блоковский и т. д. Бережно воссоздавая индивидуальные черты разных поэтов (преимущественно русских и советских), Г.В. Свиридов, тем не менее, сближает их уже в процессе отбора, контролируемого пристрастием к определенному кругу образов, тем, сюжетов. Однако «окончательное превращение каждого поэта в «единомышленника совершается под воздействием музыки, властно вторгающейся в поэтический материал и преобразующей его в новое художественное произведение, в котором решающей оказывается индивидуальность композитора» [18, с. 71].

Действительно, Г.В. Свиридов умел «читать» поэзию и был чрезвычайно внимателен и чуток к творческому стилю того или иного автора. К каждому из них композитор находит свой ключ, исходя из индивидуальных, историко-национальных особенностей творчества каждого. И это обращение всегда являло творческое открытие, воплощение простоты и естественности выражения, глубокое и органичное слияние музыки и слова, в результате которого поэзия раскрывалась по-новому, звучала громче, полнее. Слово будто рождалось заново, приобретая новое звучание, все больше наполняясь истинным смыслом. Есть основание говорить об особом вкладе Г.В. Свиридова в разработку проблемы осмысления в музыке поэзии разных эпох и народов и введение в «правило» композиторского творчества создание камерно-вокальных и вокально-симфонических циклов преимущественно на основе поэтических текстов высокого достоинства. По оценке Л.В. Поляковой, «поэтическое и музыкальное соединилось в творчестве Свиридова весьма изысканно и тонко. Сплетение это рождает ни с чем несравнимые, не испытанные ранее ощущения <...> каждый маленький союз поэзии и музыки творит целый мир. Собранные вместе в цикл, эти миры образуют необъятную Вселенную, бесконечно разнообразную

и сложную, но в то же время живущую по общим простым законам» [13, с. 72].

Г.В. Свиридов достойно развил и продолжил традицию «пластической интонации», (жест персонажа, манера говорить, речевая интонация, походка, мимика), приверженцами которой, как известно, были А.С. Даргомыжский и М.П. Мусоргский. И все эти внемузыкальные элементы приобретают в творчестве композитора музыкальные, «осмысленно-оправданные» свойства, поскольку подчиняются закономерностям музыки, которая нигде не теряет своей специфики, не поступает собственной образностью и художественной ценностью. Как показывает анализ, слово входит в них не в качестве дополнения и разъяснения собственно музыкального замысла, а как «самостоятельный и равноправный участник создания синтетического образа, как неотъемлемая сторона общей идеи произведения, которая является идеей музыкально-поэтической» [16, с. 287].

Соотношение слова и музыки в вокальных сочинениях Г.В. Свиридова приобретает различный характер: «певческая партия представляет собой речитатив «слово от поэта» – «Патетическая оратория» на стихи В. Маяковского; ариозное пение, промежуточное между речитативом и кантиленой («Разговор с товарищем Лениным»). Но более всего музыкально-поэтическая идея нашла отражение в песенности Свиридова, где она – и жанровая категория, и основа языка, и принцип образного обобщения. Равно как и М.П. Мусоргский, Свиридов ищет в ней «не отвлеченной кантилены, а «говорящей», «творимой говором» мелодии, обладающей при этом самостоятельной песенной образностью. Не удивительно, что в мелодиях композитора органично сливаются два начала: песенное и речевое, позволяющих музыке «говорить пением». Г.В. Свиридов феноменальным образом «выводит» музыку из живой, современной речи. Манеру речи, ее ритмику, темп, мелодические интонации он считает производными времени, а своими вокальными творениями убедительно подтверждает тезис «в этом кладезе – человеческой речи – таятся все сокровища музыки – и уже написанной, и будущей» [15]. Действительно, композитор широко использует выразительные возмож-

ности слова, речевой интонации, мастерски сочетая песенную гибкость и широту мелодии с точностью и психологической правдивостью декламации. Заслуживает внимания редкое умение композитора одним метким штрихом, одним характерным оборотом подчеркнуть в песенной фразе ключевое слово, не разрушая ее цельности, музыкальной логичности (изобразительно-ассоциативно, эмоционально, мелодическими, ритмическими, гармоническими средствами).

Музыка Г.В. Свиридова отличается редкой внутренней гармонией, страстной устремленностью к добру, правде, свету и одновременно ощущением трагизма, происходящего от глубокого понимания композитором величия и драматизма переживаемой эпохи. Утверждение в музыке гармонии внутреннего мира человеческой личности, в противовес хаосу мира, осознание высокого предназначения человека являются основой преодоления этого трагизма. Главный лейтмотив музыкальных полотен Г.В. Свиридова – формирование «человеческого в человеке», созидательно-го, деятельного начала в нем, духовно-нравственной сути, воли к жизни и организации социального пространства. Ввиду этого, музыка Г.В. Свиридова, бесспорно, занимает особое место в русском музыкальном искусстве, которое можно рассматривать не столько в виде рефлексии русской философии, сколько как пронизательное личное понимание душевно-жизненных начал.

Св. Григорий Нисский сравнивал ум со смычком, который, касаясь одушевленных органов, музицирует, являя посредством их звуков сокровенные мысли [4, с. 26-27]. Говоря о звуке, святые отцы имели ввиду не просто осмысленный, говоря словами св. Иоанна Дамаскина, «знаменательный», но очеловеченный звук. В соответствии с святоотеческой традицией, в языке «звук представляет собой тело, а значение – душу звука» [1, с. 402]. Эта полнота святоотеческого опыта, о которой постепенно узнавал Г.В. Свиридов, рано проявилась в его собственном творческом опыте.

Высшее в иерархии духовных ценностей для Свиридова – Слово, как незаменимое по своей определенности выражение мысли.

Вне мысли, ее глубокого духовного содержания нет для композитора и музыки. Ввиду этого вполне обоснованным представляется особое внимание художника к вокально-симфоническому жанру и утверждению своим творчеством тезиса о том, что «Союз симфонически масштабной музыки с пламенным поэтическим словом как нельзя лучше помогает выразить большие идеи, отвечающие духу нашей жизни» [15]. Музыка Свиридова, разумеется, из России: но не столько России умозрительной, философствующей, сколько из России словущей. Музыкант и композитор огромного национально-самобытного масштаба и дарования, Свиридов развивает в себе такое философско-эмоциональное видение мира, которое позволяет ему сделать слушателя соучастником ясного речевого действия, вовлекает его в переживание ясности подлинной речи, которая не затемняет какой бы то ни было ум, а подбадривает и зовет к размышлению и собственному высказыванию.

В записи «О главном для меня» Г.В. Свиридов говорит о главном призвании художника: по мере своих сил служить раскрытию Истины Мира, которая может быть заключена в синтезе Слова и Музыка. «На своих волнах (бессознательного) она (музыка) несет Слово и раскрывает его сокровенный смысл. Слово же несет в себе Мысль о Мире (оно предназначено для выражения Мысли). Музыка же несет Чувство, Ощущение, Душу этого мира. Вместе – они выражают (могут выразить) Истину мира» [14, с. 160-161]. Идеалом сочетания слова и музыки Г.В. Свиридов по праву считал подлинную народную песню, где словесное и музыкальное начала являют собой синкретическое единство.

Музыкальное мышление Г.В. Свиридова обращено к идее единения, всеобщей сопричастности к идеям «мелоса» (мелодическое, песенное начало в музыке) и «логоса» (мысль, разум), которые возвысились до вершин настоящей философии исповедального слова. Во многом именно по этой причине исследователи ищут истинный философский смысл в музыке композитора (инструментальной, вокальной: песни, романсы, вокальные циклы, кантаты, оратории, хоровые произведения),

в которой органично соединились его удивительное чувство стиха, глубина постижения поэзии, богатое мелодическое дарование. В музыке Г.В. Свиридова духовная мощь и философская глубина поэзии выражаются в мелодиях пронзительной, кристальной ясности, в богатстве оркестровых красок, в оригинальной ладовой структуре.

В свиридовском музыкальном мышлении обнаруживаются онтологические соответствия отечественной философской мысли. По утверждению А.Ф. Лосева, ядром и смысловым центром русской музыкальной философии является удивительное возвышение «мелоса» и «логоса», в результате чего последний обретает иной вектор развития, иное значение, меняя даже пространство. Такую музыку Лосев наделяет способностью бороться с обыденностью и указывать личности направление ее духовного восхождения (в качестве такого совершенного образца философ называет оперу «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова, где «мелос» достиг ипостаси «логоса»). В большинстве музыкальных произведений Г.В. Свиридова произошло удивительное соединение рационально-логического и мелосно-иррационального в особое возвышенное единство; его музыка отчетливо целостна.

Специфика человеческого слова, уникальность человеческого слова состоит в том, что его звук значим. Слово есть осмысленный звук и озвученный смысл. Соединение смысла со звуком исследователи сравнивают с тайной соединения души и тела [8, с. 29]. И эта тайна требует сопричастности и соучастия более всего в поэтическом слове, где связь звука и смысла выявлена наиболее ярко, где «слова, сплетенные ... своими звуками, сближаются и сплетаются также и смыслами или частью своих смыслов...» [3, с. 110]. Для творчества Г.В. Свиридова, безусловно, особое значение имели поэтические тексты, обладающие наивысшей степенью перформативности (прежде всего литургические тексты), а также произведения авторов, наделенных пророческими чертами, подчинившими свое творчество и всю грядущую русскую литературу голосу правды и совести, подвижнически служивших своим искусством народу.

Свиридову была важна «действительная сила» (Святитель Григорий Богослов) текста, образный мир которого способен воздействовать на человека и изменить к лучшему его «движение души». Именно высокое, благородное движение души более всего ценил Г.В. Свиридов в поэзии, вкладывая в это понятие сокровенные мысли о ценности человеческой жизни, миссии человека на земле, роли музыки и искусства в духовном воспроизводстве нации. Композитор удивительным образом умел соединить воедино два великих искусства – поэзию и музыку, где слово и звук совершенно раскованы, независимы друг от друга и вместе с тем предельно соподчинены. И это не подбор подходящих мотивов на подходящие стихи, а «музыка, выплавленная из поэзии» [11, с. 25], где «общее неотрывно от личного, а личное – от общего, судьбы героя и народа сливаются, и объективное повествование неизменно проникнуто субъективностью раздумий о жизни, о природе, о человеке [16, с. 142].

Сила, что лежит «в глубине» музыкального языка Г.В. Свиридова, – энергия, порождающая осмысленное течение мысли и членораздельное ее изречение, – обнаруживает себя в мелодике языка, в его музыке, где мелодия есть символ души Боже-ственной или Человеческой; «мелодия есть поток силы... живая энергия... процесс развития напряжения внутри нас» [10, с. 35-36, 41]; искусство интонируемого смысла, поток «тонового напряжения», который Б.В. Асафьев называл интонацией [2, с. 163-276].

Интонационно-речевой контур языка, формируемый его акцентно-силовыми структурами, – «это как раз та, почти единственная область, в которой музыка не только встречается с поэтическим языком и приспособливается к нему <...> более того подражает ему» [10, с. 94]. Именно поэтому для Свиридова в поэзии было важно слово, извлекающее из сокровенного потока «внутреннего речения» автора истину, «несокрытость» [17, с. 135], а музыка впоследствии приобрела способность направлять течение мысли, помогать осмыслению текста, логосной смысловой энергии, поскольку «в пении участвуют твой дух и твой ум», – говорил святитель Василий Вели-

кий. Аналогичной точки зрения придерживался Свиридов, утверждая, что музыка на своих волнах бессознательно несет Слово и раскрывает сокровенный тайный смысл этого Слова [14, с. 58].

Пожалуй, верным будет сказать, что свиридовское музыкальное мышление драматургично: это мышление, которое обосновывает себя и вновь возникает в продуктивном сопоставлении образов и звуков, событийно «укрупняется» и удерживается в отчетливых ладовых порядках и высвобождается интонационно. Мышление это никогда не действует

само по себе; оно всегда является событием в общем зримом единстве речевых действий – жизненных поступков, которые совершают люди, стремясь остаться собою и стать лучше себя, освободиться от речевой суеты, в т. ч. и музыкальных суетных обременений. Эта драматургия мышления символически чистого и не замкнутого на себе, не изобретающего, а мыслящего всерьез свое жизненное предназначение, не может завершиться с уходом Г.В. Свиридова. У этого искреннего мышления не может не быть своего будущего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин. О количестве души // Августин. Творения в 11 частях / пер. Киевской духовной академии (1879-1908); переиздание в 4 т. Т. 1 сост. С.И. Еремеева СПб.: Алетейя-Киев, Уцимм-пресс, 1998. 752 с.
2. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс // Асафьев Б.В. Избранные труды в 5 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 163-276.
3. Вейдле, В.В. Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства / Сост., коммент. и послесл. И.А. Доронченкова. М.: Языки славянской культуры. 2002. 456 с.
4. Григорий Нисский. Об устройстве человека / пер. и послесл. В.М. Лурье под ред. А.Л. Верлинского. СПб.: АХИОМА, 1995. 176 с.
5. Давыденков, О., иерей. Понятие «силы» и «энергии» в святоотеческом богословии // Велия благочестия тайна: Бог явился во плоти. М.: ПСТБИ, 2002. 182 с.
6. Гаврилин, В. Годовой круг // Музыкальный мир Георгия Свиридова. Сб. статей / сост. А. Белоненко. М.: Советский композитор, 1990.
7. Гаврилин В. Музыка Свиридова в Ленинграде. // Вечерний Ленинград. 1980. 5 июня. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/slus/haya/serd/29.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
8. Из писем Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. О. Окропидзе // Иностранная литература. 1989. № 11. С. 236-237.
9. Камчатнов, А.М., Николина, Н.А. Введение в языкознание: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. 232 с.
10. Курт, Э. Основы линейного контрапункта. Мелодическая полифония Баха / пер. с нем. З. Эвальд; под ред. Б.В. Асафьева. М.: Госмузиздат, 1931. 304 с.
11. Ланглебен, М. Вокальная мелодия в плену у языка // Музыка и незвучащее / ред.: Вяч. Вс. Иванов, Е.В. Пермяков, Т.В. Цивьян. Москва: «Наука», 2000. С. 91-116.
12. Полякова, Л. Вокальные циклы Г. В. Свиридова. Изд. 2-е. М.: Советский композитор, 1961. 72 с.
13. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. URL: <http://golden-ship.ru/knigi/3/simeonNB-Sl1.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
14. Свиридов, Г.В. Высокие идеалы современности // Вечерний Ленинград. 1966. 15 октября.
15. Свиридов, Г.В. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.
16. Сохор, А. Георгий Свиридов. Изд. 2-е, доп. М.: Советский композитор, 1972. 320 с.
17. Элик, М. Свиридов и поэзия // Георгий Свиридов. Сб. статей / сост. Р.С. Леденев. М.: Музыка, 1971. С. 58-124.

REFERENCES:

1. Augustine. On the Number of Soul. Creations in 11 parts. Reissue in 4 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteiya-Kiev, Utsimm-press, 1998. 752 p.
2. Asaf'ev, B.V. Musical Form as a Process. Selected Works. In 5 vols. Vol. 5. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. Pp. 163-276.
3. Weidle, V.V. Embryology Poetry: Articles on Poetics and Theory of Art. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2002. 456 p.
4. Gregory of Nyssa. On the Structure of Human. St. Petersburg: AXIOMA, 1995. 176 p.
5. Davydenko, O. The Concept of «Power» and «Energy» in the Patristic Theology. Great Mystery of Godliness: God was Manifest in the Flesh. Moscow: PSTBI, 2002. 182 p.
6. Gavrilin, V. The Annual Cycle. Georgy Sviridov's Music World. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1990.
7. Gavrilin, V. Sviridov's Music in Leningrad. Evening Leningrad. June 5. 1980. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/slus/haya/serd/29.htm> (date of access: January 1, 2015).
8. From the letters of Wilhelm von Humboldt. Inostrannaya literatura. № 11 (1989). Pp. 236-237.
9. Kamchatnov, A.M., Nikolina, N.A. Introduction to Linguistics. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2000. 232 p.
10. Kurth, E. Fundamentals of Linear Counterpoint. Bach's Melodic Polyphony. Moscow: Gosmuzizdat, 1931. 304 p.
11. Langleben, M.M. Vocal Melody in the Thrall of Language. Music and the Dumb. Moscow: «Nauka», 2000. Pp. 91-116.
12. Polyakova, L. Sviridov's Vocal Cycles. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1961. 72 p.
13. St. Symeon the New Theologian. The Words. URL: <http://golden-ship.ru/knigi/3/simeonNB-Sl1.htm> (date of access: January 14, 2015).
14. Sviridov, G.V. The High Ideals of Modernity. Evening Leningrad. October 5 1966.
15. Sviridov, G.V. Music as a Fate. Ed. by A.S. Belonenko. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2002. 798 p.
16. Sokhor, A. Georgy Sviridov. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy Kompozitor, 1972. 320 p.
17. Elik, M. Sviridov and Poetry. Georgy Sviridov. Ed. by R.S. Ledenev. Moscow: Musica, 1971. Pp. 58-124.